

ПЕВЕЦ ДРУЖБЫ И БРАТСТВА НАРОДОВ

— К 275-летию со дня рождения Давида Гурамишвили —

Давид Гурамишвили родился в 1705 году в селе Сагурамо. Недалеко от древней столицы Мцхеты в мир явился тот, кому в дальнейшем было суждено сделать первую величину — после гениального Руставели — духовной славы грузинского народа. Для маленького Давида первым свидетельством существования мира были материнские слезы. А народная мудрость гласит: если у изголодавшегося ребенка слезы матери, значит в горе и печали родина.

Проходят годы. Первое, что так тревожно преломилось в глазах будущего поэта, было не сияние горного солнца, а блеск отцовского меча.

Наверное, именно в этот миг Гурамишвили осознал, почему и солнце отвернулось от его страны, и то, что густой мрак, охвативший душу и сердце древнего и трудолюбивого народа, может рассеять лишь блеск меча справедливости.

Говорят, гениям судьбой предопределена равная мера счастья и скорби. Затрудняюсь сказать, насколько верно оно. Что касается Гурамишвили, то с колыбели доверила ему Грузия свою великую боль, вероятно, предчувствуя, что именно Давиду суждено стать одним из самых великих представителей ее духовной истории. И эта история, в которой единственной радостью была любовь к родине и ненависть к ее врагам, начиналась так.

Однажды летом, когда Гурамишвили, покинув сенокос, спустился вниз испытать воды из ручья, на него неожиданно напали враги и связанного увезли далеко, «за сто гор». Они не видели, как пленник с вершины горы в последний миг охватил взором Грузию, чтобы впоследствии если не мечом, то огненным словом отомстить всем тем, кто принес страдания и горе его народу.

Храган любви и ненависти, надежды и ярости бушевал в душе Гурамишвили, когда он распростился со стонущей от бедствий родиной и после жестоких испытаний добрался до Москвы.

Гурамишвили никогда не помышлял о том, кем быть прежде — поэтом или гражданином. Не помышлял, ибо поэт и гражданин в нем родились одновременно, ибо его единственным горячим желанием было видеть Картли свободной от чужеземцев и гордо взвращающей на мир, но не на тот мир, лживый и фальшивый, где счастье — намного короче жизни, а на мир, который придет позже, где вопарятся честность и справедливость. А пока словом и мечом нужно отсеять преходящее, временное, которое, однако, длится века и со дня возникновения достойно лишь проклятия.

В произведениях крупных художников прошлого всегда есть та особая форма отрицания, неприятия несправедливости, которую иногда по наивности называют пессимизмом. Гурамишвили скорбит о кратковременности бытия, перечисляя все свои утраты, он горько вопрошает:

Что же я томился, в мир
зачем явился?
О, коварный мир, о,
мгновенный мир!

Тот же вопрос в восемнадцатом веке задавал и Радищев: «На что мне жить, если мой век стал бесполезен».

И если в словах Гурамишвили и Радищева слышны ноты грусти и сожаления, то есть причина, объяснение этому: «проклятый мир» скрывает, ссылает или убивает тех, что знает его слишком хорошо и более не верит ему, а тех, кто еще верит, предаст при первой же возможности.

С самого рождения стоишь
ты презренный,
О, коварный мир! О,
мгновенный мир!

«Давитиани» — так называется сборник стихотворений и поэм Гурамишвили. Судя по тем страданиям и лишениям, что перенес поэт, бесконечной борьбе, каким был его жизненный путь, казалось бы, у него не должно было оставаться времени, чтобы творить. Но, судя по дерзости и смелости его мышления, художественному восприятию мира, страстному желанию высказать правду, сохранившиеся и дошедшее до нас можно считать лишь небольшой частью наследия поэта. Ибо такой глубины мысли и такого совершенства слова мог достичь только тот, кто накопил богатый опыт в жизни и искусстве, повидал и познал немало и, убедившись в лживой и фальшивой пустоте мира, восстал против зла на защиту добра; не приемля поддельное, боролся за справедливость, славил героическое, отвергал презренного труса. Слово Гурамишвили — это облеченная в пламя правда, служащая простому, несчастному, но честному человеку. Он навек не примирился с тем миром, который оставался мрачным даже в моменты всплеска молний.

«Давитиани» дословно означает слово Давида или слово о Давиде. Гурамишвили говорил о времени и о себе. Чтобы быть точнее, скажем, что его «я» — это и есть само время, то есть Грузия, Россия, Украина. Этой мерой познал он глубину человеческого горя и убедился в том, что приятное взгляду — всегда обманчиво и иллюзорно.

В эти же годы современником Гурамишвили был Саят-Нова, который жил в Тифлисе и жизнь которого была такой же трагичной. Саят-Нова тоже осознавал фальшь мира, поэтому советовал не

отождествлять сны с действительностью.

Есть нечто общее в мыслях, чувствах и убеждениях, в патриотизме тех гениев, что вынуждены были жить изгнанниками вдали от родины. Все они хранили в сердце печальный и в то же время вдохновенный образ родины, чтобы сильнее любить и тосковать по ней, чтобы яснее чувствовать духовное родство и общность людей, связывающую народы. Всею свою сознательную жизнь Гурамишвили провел в России и на Украине. Здесь создал он знаменитую книгу «Давитиани», в которой выносит приговор смерти и миру зла. «Знаю, весь год ты книгу пишешь обо мне, — грозит разъяренная Смерть, — и за это серпом своим я голову тебе снесу, и не сможешь ты кипеть гневной страстью, ибо могла не для страстей». На угрозу герой Гурамишвили отвечает с презрением:

Смерть, напрасно ты
крадешься!
Сам я знаю, что придешь.
Нынче, завтра — но
готовым
Ты всегда меня найдешь...
Есть у смертного
защита. —
Отрицаешь — значит
врешь...

Подобно выдающимся мыслителям, Гурамишвили пламенно страдал, бунтовал и восставал. И это было подвигом, ибо властвующая мораль требовала смирения и с благоговением встречать все удары судьбы, поскольку они вечны, а то, что вечно, считалось волеизъявлением бога. Грузинский поэт был против такого бесчеловечного обожествления. Для него вечное — это добро, а добро в его восприятии имело образ родины и человека.

Та Россия, гуманистическое направление истории которой принадлежало народу, всегда спасала малые народы от физического уничтожения. В мире трудно назвать другой такой народ. Спасение наций от жестокого ига чужеземцев и сохранение их самобытности — это черта характера русского народа, долг его крови. И это часто осуществлялось ценой бесчисленных жертв его сынов.

Говорят, что там, где человек вышел победителем в поединке со смертью, следует поставить памятник. Если бы такое можно было осуществить, то, имея в виду судьбу Гурамишвили, на его плечи, протянувшегося от Грузии до России и Украины, надо бы установить десятки памятников. Но в этом нет нужды, ибо гений сам воздвигает себе памятник и удовлетворен тем, что дает ему родина.

Вот почему Гурамишвили, не чувствуя себя чуждым в другой стране, искренне заявляет:

Ни одна страна на свете
Мне тебя не заменила.

Становление Гурамишвили, как поэта, проходило в России и на Украине. Помимо того, что на протяжении всей жизни он жаждал увидеть свободной Грузию, мечтал о ее новой славе, он принес этим двум народам любовь и преданность своей родине, ее глубокую веру и их самоотверженной дружбе. Нужно было иметь в сердце и горячую ненависть к вековым врагам этих двух народов. Гурамишвили был полон и этим чувством. Здесь вновь уместно привести народную мудрость: если ты не испытываешь ненависти к врагам своего друга, значит, твою любовь неискренна. Любовь Гурамишвили ко многому обязывала. Вот почему войну против шведов и германцев он считал борьбой и за свободу Грузии, ибо враг родины повсюду один, независимо от того, где он находится — на юге или на западе. Такова мера признательности грузинского поэта. Кто хоть немного знаком с перенесенными Гурамишвили немощными страданиями, не может не удивляться тонкой лирике его произведений, умению воспеть нежность чувств, грусть и печаль разлуки, безудержную радость молодости, нотки сожаления.

Есть поэты, которые остаются в рамках и границах своего времени. Но есть и такие поэты, которые раздвигают границы эпохи и продолжают оставаться в духовном мире грядущих поколений. Без таких поэтов целые столетия могли бы исчезнуть из истории человечества, нарушилась бы связь времен. Но дело не только в этом. Мы, живущие, лишились бы сегодня истоков духовного и интеллектуального величия и не смогли бы с уверенностью глядеть в завтра, наша память была бы жестоко обкрадена. Нет будущего у человечества без величайших мыслителей прошлого. Гурамишвили один из них.

Особенно осязательно то знание, что было обстреляно пулями в сражении за честь и свободу родины. Поэзия Давида Гурамишвили — такое знание, с одним лишь различием: знамена в конце концов попадают в музей, а поэзия — нестареющее оружие вечной борьбы. Как и в дни своей жизни, так и сейчас Давид Гурамишвили, как и Гейне мог бы воскликнуть:

Я — меч! Я — пламя.
Мог бы, потому что он
вспевал великие идеи, а
идеи не погибают, их нельзя
заковать. Мог бы, потому
что только великим даровано
судьбой жить в том мире, о
котором они мечтали. Гу-
рамишвили — из таких вели-
ких. Гурамишвили жив и
поныне.

Вагген МАЦАКАНЯН.